

Новгородцы у истоков отечественной лексикографии

Т. В. Шмелева

Novgorodians at the origins of Russian lexicography

T. V. Shmeleva

Татьяна Викторовна Шмелева – доктор филологических наук, профессор; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация.

E-mail: szmiel@mail.ru

Статья поступила: 20.04.2021. Принята к печати: 08.06.2021.

В статье приводятся факты, свидетельствующие о том, что новгородцами сделаны важные шаги в формировании и развитии отечественной лексикографии. Факты почерпнуты в трудах по истории русского литературного языка и истории русской лексикографии. Подробно анализируются два эпизода различных эпох. Первый эпизод связан с созданием первых притекстовых словариков непонятных слов, которыми новгородские книжники сопровождали переписанные ими рукописи, в частности, «Новгородскую кормчую» 1282 года. Отмечено, что такие словарики включали церковнославянские и иноязычные слова, при этом толковались как нарицательные, так и собственные имена. Показано, что такой тип глоссариев был характерен для средневековой Европы со ссылками на работы о германо-латинских глоссариях. Второй эпизод относится к лексикографии XVIII века, когда словари уже печатались и исчислялись десятками. Рассмотрено преобразование знаменитого немецкого-латинского лексикона Вейсмана, в «русификации» которого принимал участие новгородский дворянин Василий Евдокимович Адодуров. Приведены данные о биографии Адодурова, объясняющие его участие в создании русской версии «Вейсманнова лексикона»: его считали одним из образованнейших людей эпохи, чьи способности к иностранным языкам сочетались с успешными занятиями математикой, он стал первым русским адъюнктом по математике. Отмечается, что помимо русских толкований в трехязычном словаре, им подготовлен грамматический очерк русского языка на немецком, что явилось важным этапом описания русской грамматики. В выводах показано, что оба эти эпизода важны для развития русской лексикографии, их можно интерпретировать как предысторию того типа словарей, которые сейчас именуются словарями иностранных слов.

Ключевые слова: русский язык, лексикография, новгородские книжники, В. Е. Адодуров

УДК 81.374

Tatyana V. Shmeleva – Dr. Sci. in Philology, Professor; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Velikiy Novgorod, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-4386-1671

Received: 20/04/2021. Accepted for publication: 06/08/2021.

The article provides facts indicating that the Novgorodians took important steps in the formation and development of Russian lexicography. The facts are gleaned from works on the history of the Russian literary language and the history of Russian lexicography. Two episodes from different eras are analyzed in detail. The first episode is associated with the creation of the first text-based dictionaries of incomprehensible words, with which the Novgorod scribes accompanied the manuscripts they copied, in particular, “Novgorodskaya Kormchaya” of 1282. It was noted that such dictionaries included Church Slavonic and foreign words, while both common words and proper names were interpreted. It is shown that this type of glossaries was typical for medieval Europe with references to works on German-Latin glossaries. The second episode refers to the lexicography of the 18th century, when dictionaries were already published and numbered in dozens. The paper considers the transformation of the famous German-Latin lexicon of Weismann, whose “russification” was led by the Novgorod nobleman Vasily Evdokimovich Adodurov. The data on the biography of Adodurov are given, explaining his participation in the creation of the Russian version of Weismann's Lexicon, who was considered one of the most educated people of the era, his ability in foreign languages was combined with successful studies in mathematics, he became the first Russian associate in mathematics. It is noted that in addition to Russian interpretations in a trilingual dictionary, he prepared a grammatical sketch of the Russian language in German, which was the first experience in describing Russian grammar. The conclusions show that both of these episodes are important for the development of Russian lexicography, they can be interpreted as the prehistory of the type of dictionaries that are now called dictionaries of foreign words.

Keywords: Russian language, lexicography, Novgorod scribes, V. E. Adodurov

OECD: 06.02.OY

V

Постановка проблемы. В статье ставится задача показать, что в развитие русской лексикографии на начальных этапах ее развития внесли свой вклад и новгородцы. При этом важно выяснить, какие традиции русской лексикографии были заложены и продолжены новгородцами, какие новые моменты введены ими в словарное дело.

История вопроса. Названная проблема может быть поставлена в контексте известных данных о Новгороде как центре древнерусской книжности. Средневековый Новгород был городом массовой грамотности, о чем говорят найденные археологами берестяные грамоты и многочисленные граффити на стенах церквей. Как считают историки, Новгород был городом грамотеев и книжной мастерской Руси [Смирнов, 2014, с. 5–18]. Разнообразие практик словесности, культивируемых в Новгороде в эпоху средневековья, – переписывание рукописей и создание книг, перевод и редактирование переведенных рукописей, обучение чтению и письму – позволяет предположить, что здесь могли иметь место и первые опыты описания лексики.

Новгород XVIII века представлял собой центр образования и просвещения: «просветительская деятельность митрополита Иова, основателя одного из старейших учебных заведений в России – греко-славянской школы, в которой преподавали Иоанникий и Софроний Лихуды; писательские труды И. Т. Посошкова, создавшего в Новгороде главный труд своей жизни – книгу «О скудости и богатстве», учреждение в 1740 г. духовной семинарии в Антониеве монастыре, где работали и учились выдающиеся деятели, среди них Тихон Задонский, причисленный к лику святых Русской Православной Церкви» [Секретарь, 1999, с. 9]. В целом культура и образование в Новгороде XVIII века позволяет предположить формирование специалистов, готовых к лексикографической работе и в этом время.

В общем плане история вопроса представлена в трудах по истории русской лексикографии, позволяющих определить место новгородцев в этой истории [Биржакова, 2010; Виноградов, 1977; Вомперский, 1986; Сороколетов, 2001; Якимович, 1985].

Методология и методика анализа. Методология настоящей работы основана на изучение источников по русской лексикографии и ее истории с целью обнаружения данных об участии новгородцев в формирующейся лексикографической практике. Особое внимание уделяется источникам по истории культуры и образования в Новгороде. Для получения достоверных данных применяется метод перекрестной проверки фактов, сличения сведений из разных источников.

Анализ материала. Для решения поставленной проблемы в первую очередь были изучены труды В. В. Виноградова, в частности, том его избранных трудов по лексикологии и лексикографии [Виноградов, 1977]. В статье «Толковые словари русского языка» [Там же, с. 206–242], опубликованной в 1941 году в книге «Язык газеты», которая представлена как «практическое руководство и справочное пособие для газетных работников» [Там же, с. 299], излагается история русских словарей.

Для настоящей работы существенно, что на начальном этапе формирования русской лексикографии В. В. Виноградов отмечает первые опыты создания глоссариев –

справочных словариков при рукописях, чаще переводных, и эти словарики были подготовлены новгородцами. Так, глоссарий при «Новгородской Кормчей» 1282 года толкует как «неразумные» (которых нельзя уразуметь, понять) 174 слов: *ков, зело, тина; ад, олтарь*. Чтобы читателю было понятно, что это за слова, В. В. Виноградов приводит их современные соответствия, например, *коварство* для *ков* [Там же, с. 211].

В более поздних работах указывается, что этот словарь именовался «речь жидовскаго языка, а се имена жидовская русьскы толкована; о именехъ и глаголемыхъ жидовськимъ языкомъ», сокращенно в лингвистическом обороте – «речь жидовскаго языка», под этим определением имелся в виду язык Священного писания. Расположение толкуемых слов в этом словаре соответствует порядку их появления в тексте, что составляет неудобство при пользовании им [Камчатнов, 2015, с. 90].

Отмечено, что большую часть толкуемых слов – 115 из 174, как указывается в [Там же, с. 91] – оставляют имена собственные, например, *Петр, Павел, Лука, Мария, Голгофа, Иерихон*. При этом имена собственные толкуются этимологически: *андрей – сила, фома – бездна, ребекка – радость, девора – пчела, вавилон – смятение* [Там же, с. 91].

Наряду с ними создатели глоссариев уделяли внимание абстрактной лексике, о чем говорит другой древнерусский словарь, который В.В. Виноградов считает новгородским, в нем объясняются слова абстрактной семантики: *качество, количество, свойство, доблесть, самолюбие* [Виноградов, 1977, с. 211].

Второй эпизод, важный для решения поставленной в настоящей работе проблемы, относится к XVIII веку, когда была совершенно иная ситуация с лексикографией. Как отмечают ее историки, тогда развитие словарного дела «шло по нарастающей»: если в первой четверти века создано 25 словарей, то в последней уже 183 [Сороколетов, 2001, с. 60]. Сосредоточившись на участии в этой большой работе новгородцев, нельзя не заметить, что в подготовке одного из словарей, который принято называть «Вейсманнов лексикон», принимал участие и новгородец Василий Евдокимович Адодуров.

Об этом можно узнать из словарной статьи, где данному факту уделяется буквально две строки: «участвовал в подготовке нем.-лат.-рус. лексикона Э. Вейсмана и составил к нему краткий очерк русской грамматики на нем. языке» [Лейбман, Успенский, 1988, с. 22]. Изучение литературы об Адодурове позволяет понять, какое место эта работа занимала в его ученых занятиях.

Стоит подчеркнуть, что именование «Вейсманнов лексикон» условно. Эрих Вейсманн – австрийский учитель, германский религиозный деятель, переводчик латинских религиозных текстов на немецкий язык, составитель грамматики и словарей латинского языка, умер в 1717 году (родился он в 1641 г.). Его двуязычный словарь – «*Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura ... ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur*» – был издан в Штутгарте в 1674 году и стал широко известен в Европе, где немецкий язык занимал тогда важное место в науке и образовании. В нем содержалось 13–14 тысяч слов. То, что словарь переиздавался 11 раз, говорит о его популярности, последнее издание датируется 1725 годом [Биржакова, 2010, с. 66].

С 1729 года в Академии началась, которая должна была открыть знаменитый латинско-немецкий словарь для российских читателей и одновременно русский язык для европейских ученых, в этой работе принимал участие и В. Е. Адодуров. «В процессе

держания корректур он мог вносить исправления в русскую часть словаря, поскольку к этому времени хорошо овладел немецким языком и мог заметить неточности и ошибки», тогда как переводчики ориентировались главным образом на латынь, которая им была знакома, в отличие от немецкого [Биржакова, 2010, с. 64]. В цитируемой работе детально описаны способы перевода латинских и немецких слов на русский язык – от одного эквивалента до синонимического ряда, включая фразеологизмы и пословицы.

В результате включения русских толкований словарь становится трехязычным. На титульном листе он представлен следующим образом:

Deutsch-Latein-Russisches Lexikon / Немецко-латинский и русский лексикон с первыми началами русскаго языка к общей пользе при Императорской Академии наук. – St. Petersburg, 1731.

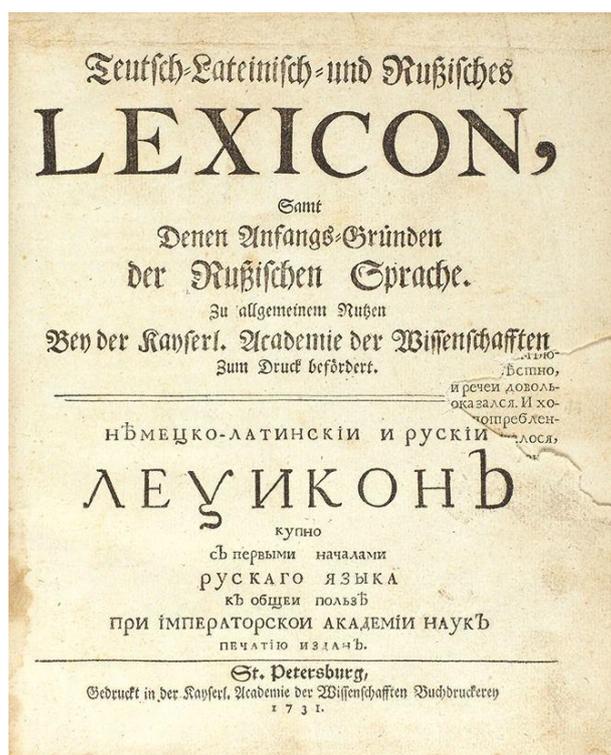

Рис. 1. Титульный лист «Вейсманнова лексикона»

Результаты. Итак, в ходе изучения трудов по истории русской лексикографии и истории литературного языка выявлены два эпизода, которые связаны с деятельным участием в создании словарей новгородцами.

Первый эпизод относится к XIII веку, он показывает, что новгородцы одними из первых приступили к созданию притекстовых словариков-гlossариев, которые стали основой для дальнейшего развития русской лексикографии. Современные исследователи указывают, что расположение слов в таких словариках соответствует их положению в тексте, что оценивается как неудобство для пользователя. На это утверждение можно возразить, что это такое расположение удобно читателю именно того текста, к которому прилагался словарик, на кого и был рассчитан словарик.

Важно подчеркнуть, что такая лексикографическая деятельность была включена в переписывание и перевод книг, то есть еще не выделилась в особое занятие, которое позднее назовут словарным делом. Первые лексикографические опыты специалисты называют синкретичной лексикографией: она совмещала разнообразную информацию о

слове, которая в дальнейшем получала отражение в разных типах словарей [Козырев, Черняк, 2004, с. 11]. Так, толкование слов сочетается с попытками объяснения их этимологии; некоторые из них современные исследователи относят к народной этимологии [Камчатнов 2015, с. 90], но стремление книжников объяснить читателю происхождение слов показательно. Эти первые лексикографические опыты воспринимаются как прообраз словарей иностранных слова, а происхождение слов объясняется теперь в специальных этимологических словарях.

Существенна такая деталь: средневековые словарики включали имена собственные, что не стало традицией русских толковых словарей, которые и сейчас обходят ономастическую лексику; впоследствии это вызвало потребность создания особых ономастических словарей, в первую очередь антропонимических и топонимических [Козырев, Черняк, 2004, с. 249–260].

Наконец, о словариках-глоссариях следует сказать, что они типичны для всей средневековой Европы. Такое утверждение можно сделать, полагаясь на данные, изложенные в [Сквайрс, 2017], где проанализированы немецко-латинские глоссарии. В работе подчеркивается их значимость для работы над собственным языком глоссаторов, именно здесь появляются первые опыты поиска соответствий в чужом и родном языке, а также освоения заимствований.

Что касается второго эпизода в истории русской лексикографии, то важно подчеркнуть, что Василий Евдокимович Адодуров (1706–1780) был значительной фигурой в культуре и образовании XVIII века [Никитин, 2009; Шмелева, 2009; Волков, 2014]. Будучи новгородским дворянином, он учился в Новгородском духовном училище, основанном как «эллино-словенские школы» братьями Лихудами. Как успешный ученик был переведен в московскую Славяно-греко-латинскую академию, когда-то тоже основанную братьями Лихудами.

В 1727 году Адодуров становится студентом Академического университета в Петербурге, где изучает точные науки и языки – латинский, немецкий и французский. И уже с 1728 года включается в активную переводческую деятельность, публикуя переводы в «Примечаниях к «Санкт-Петербургским ведомостям» и в других академических изданиях, включая Вейсманнов лексикон. Хотя в 1733 г. Адодуров «первым из русских воспитанников Академии получил звание адъюнкта по кафедре высшей математики у Л. Эйлера» [Лейбман, Успенский, 1988, с. 22], он продолжает заниматься переводами и их редактированием.

К 1734 году он становится «признанным авторитетом в области кодификации русского языка» [Там же], о чем говорит хотя бы тот факт, что в 1735 году, когда создается «Российское собрание», он становится его членом и активно работает "по «исправлению российского языка в случающихся переводах» [Там же]. Показательно, что через пять лет – в 1740-м году в справке Академии наук, поданной в кабинет императрицы, отмечается, что «он к переводам ученых дел и к приведению в большее совершенство российского языка с немалой пользою употреблен быть может» [Успенский, 1975, с. 45].

Неудивительно, что при таких характеристиках Адодурову поручают преподавать русский язык (наряду с латынью) сенатским коллежским юнкерам, а затем – будущей Екатерине II, которая ценила его занятия не только в юности, но и став императрицей. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Адодуров был назначен куратором Московского

университета. Существенно отметить, что в ходе преподавания русского языка и обсуждения его кодификации, Адодуров написал грамматику, которая, будучи рукописной, исчезла из научного оборота, а затем была обнаружена Б. А. Успенским, что было воспринято лингвистической общественностью как открытие доломоновского периода русской грамматической мысли [Успенский, 1975, с. 45].

Таким образом, участие в лексикографическом, как мы сейчас сказали, проекте стало эпизодом в научной биографии Адодурова, но весьма существенным для нее. Этот эпизод стал показателем его знаний европейских языков и, кроме того, его смелой лингвистической мысли, позволившей создать грамматический очерк русского языка, без которого переводы с русского языка на европейские, видимо, были бы весьма затруднительны.

Рис. 2. Портрет Василия Евдокимовича Адодурова

Нельзя сказать, что трехязычный словарь был новинкой для тогдашней лексикографии: в 1704 году был издан «Лексикон триязычный, сиречь речений славенский, еллиногреческих и латинских сокровище, из древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное» Федора Поликарпова-Орлова, который занимал пост директора Московского печатного двора [Якимович, 1985, с. 29–38; Вомперский, 1986, с. 11–12; Козырев, Черняк, 2004, с. 15]. Однако важно учесть два существенных отличия: это был словарь не русского, а церковнославянского языка, и кроме того, он соотносил славянские лексические запасы с древними языками – греческим и латинским. Новая же версия «Вейсманнова лексикона» позволяла соотнести русский язык лексикографов не только с латынью, на которой говорила образованная Европа, но и с живым европейским языком – немецким, что существенно расширяло пространство использования словаря.

Кроме того, словарь пополнился грамматическим очерком русского языка, который подготовил Адодуров, – “Anfangs-Gründe der Russischen Sprache”. Занимая всего 45

страниц, этот очерк представлял первоначальные сведения о русской грамматике. Тираж его первого издания – 2500 экземпляров, и они вскоре были распроданы.

Надо сказать, что историки русской лексикографии не придавали большого значения этому словарю. Так, в описании первоначального этапа русской лексикографии [Якимович, 1985] ему не отведено ни одной строки, тогда как словари Поликарпова и Якова Брюса анализируются весьма подробно. В аннотированном указателе словарей XVIII века лексикон Э. Вейсмана назван, но без указания автора грамматики; называются только переводчики [Вомперский, 1986, с. 23], правда, при описании издания 1782 года Адодуров упоминается [Там же, с. 60].

Кстати, факт переиздания «Вейсманнова лексикона» свидетельствует о том, что он был весьма полезен для научного сообщества. Титул переиздания имел такой вид:

Вейсманнов немецкий лексикон с латинским: Преложенный на российский язык, / [Перевели на русский язык И. И. Ильинский, И. П. Сатаров и И. С. Горлицкий]. При втором сем издании вновь пересмотренный и против прежнего в разсуждении латинского и российского языков знатно приумноженный. – Санкт-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1782. Издано под ред. А. П. Протасова и И. И. Стафенгагена.

Здесь фиксируется отличие от первого издания («пересмотренный» и «приумноженный»), но фамилии при грамматическом очерке, что, безусловно, сказалось на восприятии первого издания в дальнейшем. Лексикон был переиздан тиражом 1240 экз. Как сообщается в [Вомперский, 1986, с. 23], это издание воспроизводилось и в 1799 году («Тиснение 3-е», как указано на титуле словаря), то есть было востребовано до конца века.

Стоит отметить, что грамматика Адодурова переиздана в наше время, что говорит о ее значимости для изучения истории русской грамматической мысли [Волков, 2014; Власов, Московкин, 2015]. В литературе высказано мнение о том, что она написана под влиянием грамматики немецкого автора И.-В. Пауса, которая в рукописном виде была представлена Академии в конце 1720-х годов, но к печати не рекомендована, в частности, как предполагают исследователи, в связи с тем, что это была грамматика «славяно-русская», ее черновая рукопись хранится в академической библиотеки [Живов, Кайперт, 1996]. Полагая, что любой научный труд рождается в изучении предшественников, использовании их материала, можно не исключать того, что Адодуров изучал рукопись Пауса, тем не менее он написал краткий очерк русской грамматики. Кроме того, нельзя, думается, не учитывать того, что Василий Евдокимович был, как тогда говорили, «природным русским» и мог черпать языковой материал из собственного речевого опыта, переводческой и педагогической деятельности.

Выводы. Итак, приведенных данных, как представляется, достаточно для того, чтобы убедиться: новгородцев можно видеть среди зачинателей отечественной лексикографии.

Имена самых первых толкователей «неразумных» слов, или по-европейски, глоссаторов, нам неизвестны, но мы смело можем предположить, что это переписчики переводных книг, которые думали об их читателях и стремились облегчить им восприятие текстов. Первые лексикографические опыты послужили основой для развития древнерусской лексикографии, в ближайшем будущем – создания азбуковников, где слова располагались уже по алфавиту, отрываясь от текста и соотносясь с древнерусской

культурой в целом с ее ориентацией на византийские образцы. Когда пришло понимание различия информации о слове и о том, что оно именует, азбуковники дифференцировались на энциклопедические и лингвистические словари.

На другом этапе развития русской лексикографии – в первой половине XVIII века – среди лексикографов-новаторов оказывается новгородец Василий Евдокимович Адодуров. Лексикографический эпизод его научной биографии, связанный с «русификацией» «Вейсманнова лексикона», показывает, что русская языковая практика в первую очередь, научная, складывалась в ходе освоения европейских языков, переводов с них, выработки в рамках этой переводческой деятельности норм русского языка. Характерно, что словарь с русским «прибавлением» был нацелен не только на российского читателя, который стремился узнать европейские языки, но и на европейского, который предполагал познакомиться с русским языком, ведь именно для немецких читателей была написана грамматика русского языка по-немецки. Для самого Адодурова этот опыт создания краткого грамматического очерка стал первой ступенью в создании расширенной русской грамматики, в которой первое место занимали вопросы орфографии, тогда только начинавшей свой путь к кодифицированной системе [Успенский, 1975, с. 5].

Оба рассмотренных эпизода показывают, что отечественная лексикографическая практика формировалась в теснейшем взаимодействии с освоением европейских языков, и новгородцы оказывались в авангарде этой лингвистической и культурной работы. Первые словари соотносятся с типом современных словарей, которые принято называть словарями иностранных слов (историки лексикографии именуют их переводными словарями). Только к концу XVIII века были выработаны принципы лексикографического описания русского языка, однако весь предшествующий опыт ценен как движение к ним, что кажется важным и с современных позиций.

Литература

- Биржакова, Е. Э. (2010). *Русская лексикография XVIII века*. Санкт-Петербург: Нестор-История. Электронный ресурс <https://www.yumpu.com/xx/document/read/42617684/-xviii->
- Виноградов, В. В. (1977). *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва: Наука.
- Власов, С. В., & Московкин, Л. В. (2015). О новом переиздании русской грамматики В. Е. Адодурова (1731 г.). *Мир русского слова*, 3, 103–105.
- Волков, С. В. (2014). В. Е. Адодуров: несколько дополнительных замечаний к традиционной биографии. К. А. Филиппов, & С. С. Волков (Ред.), *Василий Евдокимович Адодуров. "Anfangs-gründe der rußischen sprache", или «Первые основания русского языка»* (с. 17–29). Санкт-Петербург: Наука: Нестор-История. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=23245912>
- Вомперский, В. П. (1986). *Словари XVIII века*. Москва: Наука.
- Ершова, Е. О. (2012). Лексикографические работы Ф. Гелтергофа и Э. Вейсмана в распространении русского языка за пределами России. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 3-1(40), 58–61. Электронный ресурс <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17920570>
- Живов, В., & Кайперт, Г. (1996) О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношения русского и церковнославянского. *Вопросы языкознания*, 6, 3–30.
- Камчатнов, А. М. (2015). *История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века*. Москва: (без изд.).
- Козырев, В. А., & Черняк, В. Д. (2004). *Русская лексикография [Пособие для вузов]*. Москва: Дрофа.
- Лейбман, О. Я., & Успенский, Б. А. (1988). Адодуров Василий Евдокимович. А. М. Панченко (Ред.), *Словарь русских писателей XVIII века* (Вып. 1. А – И, с. 21–23). Ленинград: Наука.
- Никитин, О. В. (2009). Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения). *Русский язык в школе*, 5, 104–110. Электронный ресурс https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12380857_27065560.PDF
- Секретарь, Л. А. (1999). *Дома, события, люди. Новгород. XVIII – начало XIX вв. Великий Новгород: Кириллица*.
- Сквайрс, Е. Р. (2017). Германо-латинские глоссарии IX–XI в.: между лингвистикой и педагогией. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2, 7–26. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_30793013_68906991.pdf
- Смирнов, В. Г. (2014). *Тайны древних манускриптов. Великие книги Великого Новгорода*. Москва: Вече.
- Сороколетов, Ф. П. (Ред.). (2001). *История русской лексикографии*. Санкт-Петербург: Наука.
- Успенский, Б. А. (1975). *Первая русская грамматика на родном языке*. Москва: Наука.
- Шмелева, Т. В. (2009). Предшественник Ломоносова (В. Е. Адодуров). В. А. Кошелев (Ред.), *Новгородский край в русской литературе* (с. 183–191). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т.

References

- Birzhakova, E. E. (2010). *Russian lexicography of XVIII century*. St. Peterburg: Nestor-Istoriya. Retrieved from <https://www.yumpu.com/xx/document/read/42617684/-xviii-> (In Russian)
- Ershova, E. O. (2012). Lexicographic works of F. Gelterhof and E. Weismann in the spread of the Russian language outside Russia. *Cherepovets State University Bulletin*, 3–1(40), 58–61. Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17920570> (In Russian)
- Iakimovich, Yu. K. (1985). *Figures of Russian culture and vocabulary*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Kamchatnov, A. M. (2015). *History of the Russian literary language. XI – first half of the XIX century*. Moscow: (n.p.). (In Russian)
- Kozyrev, V. A., & Chernyak, V. D. (2004). *Russian lexicography: a guide for universities*. Moscow: Drofa. (In Russian)
- Leibman, O. Ia., & Uspenskii, B. A. (1988). Adodurov Vasily Evdokimovich. In A. M. Panchenko (Ed.), *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka (Dictionary of Russian Writers of the 18th Century)*, (Vol. 1. A – I, pp. 21–23). Leningrad: Nauka. (In Russian)
- Nikitin, O. V. (2009). Vasily Evdokimovich Adodurov (To the 300th anniversary of his birth). *Russian language at school*, 5, 104–110. Retrieved from https://www.elibrary.ru/download/elibrary_12380857_27065560.PDF (In Russian)
- Sekretar, L. A. (1999). *Houses, events, people. Novgorod. XVIII – early XIX centuries*. Velikiy Novgorod: Kirillitsa. (In Russian)
- Shmeleva, T. V. (2009). Lomonosov's predecessor (V. E. Adodurov). In V. A. Koshelev (Ed.), *Novgorodskii kraj v russkoi literature (Novgorod region in Russian literature)* (pp. 183–191). Velikiy Novgorod: NovSU. (In Russian)
- Smirnov, V. G. (2014). *Secrets of ancient manuscripts. Great books of Veliky Novgorod*. Moscow: Vechе. (In Russian)
- Sorokoletov, F. P. (Ed.). (2001). *History of Russian lexicography*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Squires, E. R. (2017). German-Latin glossaries of the 9th – 11th centuries: between linguistics and pedagogy. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2, 7–26. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_30793013_68906991.pdf (In Russian)
- Uspensky, B. A. (1975). *The first Russian grammar in the native language*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1977). *Selected Works. Lexicology and Lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Vlasov, S. V., & Moskovkin, L. V. (2015). On the new edition of the Russian grammar by V. E. Adodurov (1731). *The World of Russian Word*, 3, 103–105. (In Russian)
- Volkov S. V. (2014). V. E. Adodurov: a few additional remarks to the traditional biography. In K. A. Filippov, & S. S. Volkov (Ed.), *Vasilii Evdokimovich Adodurov. "Anfangs-gründe der rußischen sprache", ili "Pervye osnovaniia rossiiskogo iazyka" (Vasily Evdokimovich Adodurov. "Anfangs-gründe der rußischen sprache" or "The first foundations of the Russian language")*, (pp. 17-29). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=23245912> (In Russian)

Якимович, Ю. К. (1985). *Деятели русской культуры и словарное дело*. Москва: Наука.

Vomperskii, V. P. (1986). *Dictionaries of the 18th century*. Moscow: Nauka. (In Russian)

Zhivov, V., & Kaipert, G. (1996) On the place of grammar by I.-V. Paus in the development of the Russian grammatical tradition: interpretation of the relationship between Russian and Church Slavonic. *Voprosy Jazykoznanija (Questions of linguistics)*, 6, 3–30. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Шмелева, Т. В. (2021). Новгородцы у истоков отечественной лексикографии. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(1), 79–88. DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-79-88

For citation:

Shmeleva, T. V. (2021). Novgorodians at the origins of Russian lexicography. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(1), 79–88. DOI: 10.34680/VERBA-2021-1(1)-79-88